

«СИБИРСКИЙ ПАРНАС», Новосибирск

Руководитель *Анатолий Николаевич Побаченко*

Школа литературного мастерства «Сибирский Парнас» создана в целях: помощи начинающим литераторам – повышения литературного мастерства и изучения основ теории литературы (поэзии, прозы, драматургии), а также анализа, рецензирования, предиздательской подготовки рукописей; оказания всесторонней поддержки писателям, пишущим на русском языке и публикующим свои произведения, расширения возможностей их творческого роста, повышения профессионального мастерства, публикации их произведений в литературных печатных изданиях, закрепления за ними статуса полноправных субъектов современного литературного процесса, защиты их авторских и иных прав и интересов; оказания всесторонней поддержки молодым авторам, публикующимся в литературных печатных изданиях, в их продвижении в сети Интернет.

Материалы, подготовленные участниками школы (очно и заочно), по возможности публикуются в журнале «Сибирский Парнас».

Анатолий Побаченко

Чаны

Мыс Казанцевский

светом прошит,
окаймлён золотыми песками...

То ли сердце моё

там кружит –

высоко, в синеве,
да кругами?

Это коршун на крыльях
летит

над Чанами, над малыми нами!
Я с бояркой дружу –
и нудит
старый клён
что-то мне временами.
Не в малиннике,
в джунглях сижу,
греет ягодка сирую душу,
паутину, как сети, сложу –
на язя-недотёпу наброшу.
В камышах раскошелится жук,
изумрудную потчует муху...
Наворочит дорогу паук
ремезиному гнёздышку в ухо.
Не спешу расставаться с тобой,
так бы жил я в мысу, среди народа,
где не молкнет
весёлый прибой,
где любому открыты ворота.
Мыс Казанцевский
примет тебя
как хорошего доброго друга,
поведёт по тропе муравья,
покачает на ветках упругих.
Приходи,
ласков будь,
и, любя,
не порви золотистую нитку,
пусть звенит
меж берёз,
меж опят,
охраняя зверюшку-малютку.

Околки редки и прозрачны
на гривах древней Барабы.
Здесь много птицы новобрачной
и пахнут грозами грибы.

Гудит, как бубен, в долах ветер,
озёра смутно слышат стон
души кочующей... Иль грейдер
то рвёт и режет века сон?

И, словно ястребы в полёте,
мелькнут скопления дней чужих,
и в них, в невыносимом гнёте,
таится тать, скуля о ржи.

Чалдон, рукою загорелой
поправив ус, открыв уста,
вдохнёт глубоко воздух зрелый,
помянет предков и Христа.

Отмыта ливнем соль столетий,
под зернь распаханы холмы,
и хлещут солнечные плети
остатки туч, лохмотья тьмы.

Но кажется, на плоских взгорьях,
как марево, плывут вдали
моря невысохшие горя,
стада кучумовой пыли.

* * *

Разбуди меня,
утро погожее,
подними,
 позови,
 поведи
вон туда,
где синее Хорошее,
озерцо в Кулундинской степи.

Я пойду за густыми туманами
с верой в светлую долю свою,
над лесами, полями, баданами
задушевную песню спою.

Понесу по рассвету широкому
молодую заповку тому,
кто мне тайну откроет глубокую –
до конца верным быть одному.

Никогда не забудутся трубные
голоса журавлей высоко,
что идут на задания трудные,
не мечтают, что будет легко.

Разбуди меня, утро погожее,
и в родные луга отведи,
чтобы помнил я утро хорошее
в Кулундинской солёной степи.